

Печатается по постановлению Ученого совета ИВР РАН

**Пятые востоковедные чтения
памяти О. О. Розенберга**

Труды участников научной конференции

Составители:

Т. В. Ермакова, Е. П. Островская

Научный редактор и автор предисловия:

М. И. Воробьева-Десятовская

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. Е. И. Кычанов

доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

© Институт восточных рукописей РАН, 2012

© Авторы публикаций, 2012

Е.А. Островская

Социологическое изучение религиозных неправительственных гражданских организаций Российской Федерации и Республики Корея¹

В статье рассматривается проблема влияния процессов идеологического обновления в политической сфере РФ и РК на возникновение и закрепление в российском и южнокорейском обществах новых организационных форм религиозной жизни. Автор проводит сравнительный социологический анализ направлений институциональной активности буддийских организаций РФ и РК в национальном и транснациональном измерениях.

Ключевые слова: демократические политические системы, Российская Федерация, республика Корея, религии в гражданском обществе, религиозные неправительственные гражданские организации, буддизм, буддийские гражданские организации.

Сравнительный социологический анализ религиозных подсистем российского и южнокорейского обществ представляется весьма актуальным в контексте дискуссии глобальной социологии. К важным направлениям этой дискуссии относятся, в частности, национальные проекты гражданского общества, глобальное гражданское общество, транснациональные этнорелигиозные меньшинства. Рассматриваемая нами в этой связи проблема — вопрос об идеологическом и организационном участии традиционных религиозных идеологий в развитии национальных — российского и южнокорейского — проектов гражданского общества, а также об их востребованности в формате глобального публичного дискурса о правах человека, национальных и этнических меньшинствах.

В современной реальности российского и южнокорейского обществ, воспроизводящих демократические политические системы, традиционные религиозные идеологии представлены коммуникативной активностью разнообразных религиозных неправительственных некоммерческих гражданских организаций (РНГО). Подобно другим неправительственным гражданским организациям, они развивают собственный тематический дискурс, нацеленный на консолидацию усилий их членов по решению проблем воспроизведения религий исторического наследия РФ и РК в условиях гражданского общества и его политических и экономических трансформаций, вопросов социорелигиозной и национальной

¹ Исследование выполняется по гранту Академии Корееведения (Республика Корея) в 2012 г. (AKS-2010–САА-2101).

идентичностей, воинской повинности, профессиональной занятости, экологии, гендерного равноправия, защиты прав. Этот дискурс разворачивается в национальном и транснациональном измерениях.

Анализ национального измерения гражданской активности российских и южнокорейских РНГО с необходимостью предполагает рассмотрение историко-культурной специфики их вызревания. И российская и южнокорейская религиозные подсистемы общества обнаруживают исторически присущее им разнообразие религиозных традиций — развитых религиозных идеологий и этнических верований. В перспективе социологического исследования необходимо сосредоточить внимание на выявлении корреляций между социально-политическими преобразованиями в российском и южнокорейском обществах, с одной стороны, и институционализацией различных традиционных религиозных идеологий — с другой. В анализе национального измерения важно учитывать современную номенклатуру РНГО, их интересы и векторы гражданской активности, ангажированность в общественном пространстве и медиа-сфере.

Социологическое изучение национальной и транснациональной активности РНГО РФ и РК в формате современного гражданского общества должно, на мой взгляд, охватывать как минимум три взаимосвязанных аспекта. Во-первых, это реконструкция тех моделей демократического дискурса о гражданском обществе, которые доминируют в каждом из рассматриваемых обществ. Анализ таких моделей призван определить роль, отводящуюся в них РНГО как организациям третьего сектора². Во-вторых, это выявление и сравнительный анализ правового, экономического, политического и социокультурного компонентов специфики функционирования российских и южнокорейских РНГО. В-третьих, это анализ транснациональных коммуникативных сетей, образуемых российскими и южнокорейскими РНГО в глобальном гражданском пространстве, их пересечения и взаимовлияния.

Прежде всего отмечу системное сходство религиозных подсистем РК и РФ, состоящее в разнообразии смыслов тех религиозных традиций, которые эти подсистемы исторически вобрали в себя. В РК — это конфуцианство, буддизм, христианство и местные этнические верования. В РФ — христианство, буддизм, ислам, иудаизм.

С социологической точки зрения представляется принципиальным подчеркнуть, что различие между ними обусловлено не номенклатурой указанных религий, а средой, воспроизводящей эти религиозные идеологии. В РК среда стабильно моноэтническая, в РФ многообразие религиозных традиций воспроизводится в многообразии этнических сред.

Моноэтническая среда Южной Кореи стала носителем смыслов различных религиозных идеологий в результате исторического развития куль-

² В концепциях гражданского общества принято выделять три сектора: первый, представленный правительственными организациями, второй, объединяющий организационные структуры бизнеса; третий, вбирающий в себя независимые гражданские организации (НГО).

турных контекстов с Китаем, японской колониальной оккупации и последующего постколониального периода существования под патронатом США.

Иначе обстоит дело в РФ: буддизм и ислам вошли в религиозную подсистему российского общества в имперский период его истории. В Российской православной империи обе эти религиозные традиции функционировали на статусе «религий инородческих окраин».

В южнокорейском обществе, моноэтническая среда которого исторически воспроизводила идеологическое господство конфуцианской системы и буддизма, христианство укоренилось только благодаря радикальным политическим и геополитическим трансформациям.

В РФ на уровне конституции православное христианство интерпретируется в качестве одной из четырех «исторических религий народов России», т. е. наряду с исламом, буддизмом и иудаизмом. Православие тем не менее до сих пор остается доминантной системой символов и легитимаций в политическом и социокультурном дискурсах о социальной реальности. Гражданская активность православных НГО³ РФ тематически разнообразна и пользуется поддержкой политического истеблишмента и бизнеса. Анализ тематической ангажированности православных НГО позволяет говорить как о национальном измерении их активности, так и о транснациональном. К национальному измерению следует, в частности, относить социальную работу с бездомными, наркозависимыми, алкоголиками, престарелыми, экологическую и религиозно-просветительную деятельность, внедрение православных ценностей в сферы экономики и образования, патриотическое воспитание молодежи.

Корейское общество познакомилось с христианскими конфессиями — римским католичеством и протестантизмом лишь в XIX в. В современной РК христианство наряду с буддизмом оценивается в качестве одной из статистически господствующих религий. Согласно Корейскому Цензу 2005 г. из 100% населения РК 53% идентифицировали себя как имеющие определенную религиозную принадлежность, а 47% как безрелигиозные. Из числа религиозно ориентированных на долю протестантизма приходится 18%, последователи римского католичества составляют 11%. На рынке религий южнокорейского общества конкуренцию католичеству и протестантизму составляет лишь буддизм, к которому из 53% верующего населения себя причислили 23%⁴. В анализе гражданской активности РНГО РК отдельного внимания достоин тот факт, что подавляющая часть корейских христиан являются горожанами, более того — представителями высших страт мегаполисов.

³ С разнообразием номенклатуры православных НГО можно ознакомиться в частности по ссылке: <http://www.hristianstvo.ru/life/organizations/youth/>

⁴ Статистические данные взяты из монографии канадского исследователя религиозных традиций РК Д. Баркера. См.: Barker, 2008, с. 4.

В современной реальности корейского и российского обществ доминирует функциональный принцип дифференциации подсистем. Политические системы РФ и РК отождествляют себя в качестве демократических, свободных от необходимости опираться на религиозную легитимацию. Согласно принципам демократии, утвердившимся в российском и южнокорейском государствах, неполитическая и неэкономическая социальная реальность осмысливается как гражданское общество, а религиозная подсистема — как совокупность религиозных неправительственных организаций, действующих наравне с прочими НГО в третьем секторе. Сравнительный анализ номенклатуры российских и корейских РНГО позволяет констатировать, что в обеих странах идеологически доминирующими оказываются именно христианские НГО.

Принципиальное отличие РФ от РК обнаруживается применительно к деятельности исламских НГО. В РФ ислам, согласно опросам 2008—2009 гг., занимает второе место после христианства. Однако результаты социологического опроса, проведенного Левада-центром в 2011 г., показали, что доля православных составляет 69% населения РФ, а мусульман — 5%⁵.

В статистических данных по РК ислам предстает как религиозная традиция меньшинства (0,1%). Социокультурное укоренение ислама началось в Южной Корее только в 1950-х гг. в связи с пребыванием на ее территории турецкой армии. В 1967 г. была создана Корейская Исламская Федерация, объединившая наряду с этническими корейцами, принявшими ислам, мусульманские иноэтнические меньшинства трудовых мигрантов и беженцев из Пакистана, Бангладеш, Индонезии, которые обосновались в РК⁶. Специфика функционирования ислама в РК дает основание утверждать, что активность южнокорейских исламских НГО характеризует собой исключительно транснациональное измерение религиозной подсистемы корейского общества. Более того, в данном контексте следует говорить в первую очередь о включенности корейского общества в транснациональное коммуникативное пространство ислама через эти РНГО, нежели о вкладе исламских НГО в развитие национального варианта южнокорейского гражданского общества.

В данной статье я сосредоточусь на анализе буддийских НГО российского и южнокорейского социумов. В российском обществе буддизм долгое время оставался религией исторического наследия коренных народов Бурятии, Калмыкии, Тувы, Забайкальского края, воспринявших эту религию из Тибета через посредство центральноазиатских этносов. Зародившиеся в 1990-х гг. полиэтнические сообщества буддистов-конвертитов (т. е. новообращенных), исповедующих тибетскую, тайскую, южно-корейскую, японскую или вьетнам-

⁵ См.: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/783660/>

⁶ В ряде исследований указывается, что общее число мусульман РК составляет от 100 до 150 тыс., из которых 35—40 тыс. этнические корейцы. См., например: Barker D. Islam Struggles for a Toehold Korea / <http://asiaquarterly.com/2006/06/01/ii-139/>

скую социокультурные формы буддизма, способствовали изменению публичного имиджа этой религиозной традиции, ее вестернизации и включению в транснациональный коммуникативный контекст. В данном исследовании значимый интерес представляют именно те буддийские НГО, гражданская активность которых имеет наибольший общественный резонанс.

Российская буддийская община, объединяющая всю совокупность верующих-буддистов, начала формироваться как современный феномен вероисповедной идентичности в 1990-х гг., когда в РФ был взят курс на строительство правового государства и гражданского общества. В тот же период политическое руководство страны провозгласило курс на возрождение исторических религий и этнических верований народов России. Была разрешена миссионерская практика (в том числе и с зарубежным участием) и введено правовое обеспечение деятельности религиозных объединений. Новая политико-правовая парадигма функционирования религий в РФ стимулировала возникновение нового социального феномена вероисповедной идентичности — российской буддийской общины.

В настоящее время буддийская община РФ характеризуется пятью следующими особенностями:

- границы канонических буддийских территорий, т. е. территорий проживания народов, исторически исповедовавших буддизм (бурят, калмыков, тувинцев), совпадают с административно-территориальными границами соответствующих национальных автономий (Бурятия, Калмыкия, Тува);

- буддизм продвигается за пределы канонических территорий, углубляясь в евразийское пространство страны, прежде всего в мегаполисы; так, в Москве и Санкт-Петербурге развивают активность различные буддийские сообщества — объединения и группы последователей школы гелугпа, общины школы дзен Кван Ум, Дхарма-центры последователей школы карма-кагью, Дзочен-общины, буддийские центры «Друзья Тибета», общины школы тхеравада, буддийские центры римэ;

- мультикультурный и полиэтничный состав: наряду с членами этносов, исторически исповедовавших буддизм, в современную буддийскую общину РФ входят конвертиты славянского, тюркского, угро-финского, еврейского этнического происхождения;

- разнообразие социокультурных форм буддийского вероисповедания: наряду с традиционным для канонических территорий тибетским буддизмом в РФ укоренились привнесенные в 1990-х гг. буддийские традиции — японская, китайская, ланкийская, южнокорейская, вьетнамская и др.;

- гетерогенность организационных форм: в современной буддийской общине РФ сосуществуют традиционные формы религиозных объединений (локальные общины на канонических территориях), религиозные объединения буддистов-конвертитов и религиозные группы, подлежащие юридической регистрации.

Демократическая политико-правовая парадигма функционирования религий в российском обществе способствовала оформлению беспрецедентного социаль-

ного феномена вероисповедной идентичности — «российский буддист». Эта большая социальная группа развивает религиозную активность в третьем секторе общества — в независимых гражданских организациях. В терминах научного дискурса о гражданском обществе современная буддийская община России должна квалифицироваться как ассоциация на основе единства мировоззренческих ценностей.

Буддийская Традиционная Сангха России (БТСР) входит в состав Президентского Совета по вопросам религиозных организаций. Эта влиятельная РНГО декларирует ценности этнокультурной и религиозной толерантности, стремление к расширению межрелигиозного диалога и сотрудничества. Ее лидер Д.Б. Аюшеев является также вице-президентом «Азиатской буддийской конференции за мир» и представляет российских буддистов в Межрелигиозном Совете России. Одним из важнейших аспектов деятельности БТСР выступает практическое воплощение миротворческой позиции буддизма и поддержание открытого внутрirosсийского и международного диалога религий по вопросам мира, прав человека, свободы совести и вероисповедания.

Яркой иллюстрацией экологического направления деятельности буддийских НГО РФ является работа бурятских и калмыцких объединений — религиозного центра «Ахалар», Объединения буддистов Калмыкии, Дхарма-центра Калмыкии.

Возникшие в российских мегаполисах ячейки общества «Друзья Тибета» пропагандируют религиозно-просветительскую и миротворческую миссию Далай-ламы XIV в пространстве глобального мира, устраивают акции в поддержку тибетского этнического меньшинства в КНР и активно занимаются правозащитной деятельностью.

Дхарма-центры последователей школы тибетского буддизма карма-кагью объединяют молодежь в борьбе против наркотиков и любых форм насилия, включая международный терроризм.

Отдельно следует отметить гражданский вклад женского буддийского движения. В 1990-х гг. бурятские буддистки-мирянки обратились к опыту своих монгольских сестер по вероисповеданию, принявших активное участие в деле создания женских монастырей. Наряду с женскими буддийскими монастырями (дацанами) и монашескими общинами получили развитие различные гендерно ориентированные дхарма-центры и общины⁷, в которых культивируется равноправие полов в социорелигиозном аспекте. Бурятские монахини организовывали общедоступные курсы по изучению буддийской философии, а также способствовали приездам монгольских женщин-лам для участия в совместных ритуальных службах (хуралах).

Усилиями бурятских монахинь и мирянки созданы НГО, неукоснительно проводящие в жизнь одну из центральных ценностных доминант буддизма —

⁷ Подробнее см.: Бальжитова, 2007.

постулат равенства духовных возможностей женщин и мужчин. Бурятские монахини и мирянки наладили тесное сотрудничество с международной организацией «Сакьядхита», внедряющей в практику принцип гендерного равноправия в национальных буддийских общинах, — обеспечение равных возможностей в получении религиозного образования, в продвижении по вертикали социорелигиозных статусов, укрепление равноправного положения женщины в социально-политической, хозяйственно-экономической, профессиональной и брачно-семейной сферах.

Женские буддийские НГО Бурятии активно участвуют в миротворческой деятельности внутри страны и за ее пределами. Символическим выражением этого аспекта их активности явилось строительство ступы «Мир», возведенной на берегу озера Байкал по инициативе насельниц женского дацана. Ступа была возведена как ответ на акты вандализма в Афганистане и терроризма в США.

Однако взятый в 1990-х гг. курс на религиозное возрождение обнаружил применительно к российскому буддизму ряд проблем, требующих особого социологического осмысления. Общественность Бурятии, Калмыкии, Тувы первоначально полагала, что возрождение буддизма должно сводиться к реставрации той парадигмы его функционирования, которая существовала в досоветский период. Но в правовом государстве и гражданском обществе буддизм предстал одной из религий, исповедуемых гражданами РФ по свободному волеизъявлению, а не в качестве традиционного вероисповедания инородческих подданных Российской империи. Требовалось создать принципиально новый образец поддержки буддийских социорелигиозных институтов. А это означало, что необходимо было изыскать легитимные в правовом государстве источники финансирования монастырей и религиозных образовательных центров, выработать приемлемые в гражданском обществе способы пополнения численности монашества и религиозно толерантные модели миссионерско-проповеднической деятельности, преодолеть пережитки этнизации буддизма, т.е. принять процесс иноэтнической конвертации как закономерное для мировой религии явление. Попытки решения этих проблем стимулировали развитие общественного интереса к функционированию буддизма в глобализирующемся мире, в частности, к опыту деятельности транснациональных коммуникативных сетей (далее — ТКС) тибетского буддизма⁸.

Параллельно с возрождением буддизма на канонических территориях в 1990-х гг. начался процесс легализации буддийских организаций в европейской части России. Заявили о себе религиозные объединения, исповедующие новые для России социокультурные формы буддизма, импортированные из стран Дальнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Такие объединения органично вошли в третий сектор гражданского общества, поскольку изначально

⁸ Подробнее о глобальных формах институционализации тибетского буддизма см.: Островская-мл., 2008; Аюшеева, 2003.

позиционировали себя в качестве НГО. Но едва ли они могли рассматриваться как организации адептов одной из исторических религий народов России, так как в центральноазиатских регионах нашей страны исторически утвердилась тибетская форма буддизма. Появление этих новых буддийских НГО спровоцировало конфликтную ситуацию: они претендовали на внедрение той модели буддийской ассоциации, которая была апробирована в странах Запада и вполне соответствовала принципам функционирования религии в гражданском обществе, но не совпадала с традиционными формами институционализации буддизма в Бурятии, Калмыкии, Туве и Забайкалье. «Традиционалисты» сопротивлялись общественному признанию новых буддийских НГО.

Рассмотрим, однако, каким образом функционируют эти традиционные формы в современной ситуации. Проблемы, опосредующие процесс религиозного возрождения буддизма, были осознаны впервые в Калмыкии. В поисках их решения буддисты этого региона еще в первой половине 1990-х гг. заявили о своей лояльности по отношению к Далай-ламе XIV, политическому главе тибетской диаспоры на территории Индии. Отмечу, что в конце 1990-х гг. Далай-лама XIV фактически занял применительно к буддийским каноническим территориям РФ позицию, функционально сходную с позицией католического понтифика. Это объективно маргинализировало НГО российских буддистов, не являющихся последователями тибетской школы гелугпа, представителем и иерархом которой выступает Далай-лама XIV.

В Калмыкии, а затем в Туве и Бурятии постепенно начала внедряться практика воспроизведения глобальной модели функционирования тибетского буддизма, созданной в тибетской диаспоре на территории Индии. Для этой модели характерно воспроизведение буддийских социорелигиозных институтов по транслокальному принципу: бурятские, калмыцкие, тувинские монахи получают высшее духовное образование в монастырских университетах в Дхарамсале (Индия) либо в Монголии (лояльной Далай-ламе XIV); миссионерская деятельность преимущественно ведется посланцами Далай-ламы XIV, имеющими соответствующие сертификаты; в состав «мирян» включаются вновь созданные НГО тибетского буддизма, которые своими пожертвованиями на местах обеспечивают финансовую поддержку иностранных миссионеров.

Формально ориентация буддистов центральноазиатских регионов РФ на тибетскую диаспору во главе с Далай-ламой XIV не противоречит принципам функционирования религии в гражданском обществе. Но такой разворот решения проблемы возрождения буддизма в РФ не вносит вклада в построение национального, российского варианта гражданского общества. Модель глобального функционирования тибетского буддизма, созданная под водительством идеологов тибетской диаспоры, нацелена в первую очередь на воспроизведение этнокультурной идентичности тибетского меньшинства в глобальном пространстве, т. е. идентичности детерриторизированного сообщества эмигрантов и их потомков. Ориентация буддистов Бурятии, Калмыкии, Тувы на глобальный образец воспро-

изведения социорелигиозных институтов тибетского буддизма оказывается, таким образом, чреватой расщеплением гражданской идентичности: будучи гражданами РФ, они одновременно являются активными участниками ТКС тибетского буддизма, т. е. сети, которая индифферентна к задаче построения гражданского общества и правового государства в России.

Указанная трансформация традиционных форм институционализации буддизма в центральноазиатских регионах РФ не снижает актуальную гражданскую активность российской буддийской общины. Буддийские НГО в их разнообразии стали неотъемлемой частью третьего сектора российского гражданского общества. Но процессы, происходящие в Бурятии, Калмыкии, Туве, заслуживают пристального социологического изучения именно потому, что в этих регионах РФ гражданская форма религиозной идентичности «российский буддист» подменяется глобальной (т. е. несвязанной с национальным вариантом гражданского общества) формой религиозной идентичности — «участник ТКС тибетского буддизма».

Что же касается созданных буддистами-конвертитами НГО, ориентированных на указанную ТКС, то эти организации объективно оказываются заложниками международной политической активности религиозных идеологов тибетской диаспоры и конфликтных сепаратистских групп тибетцев внутри КНР. Однако в национальном измерении деятельность таких НГО далеко не бесполезна. Заявляя себя защитниками прав человека и этноменьшинств, они выполняют в российском гражданском обществе весьма важную и социально значимую функцию — привлекают внимание отечественных политиков, ученых, общественных деятелей к тибетской проблеме, которую необходимо всесторонне изучать не только в контексте вопросов мировой политики, но и в прямой связи с процессом возрождения буддизма в Бурятии, Калмыкии и Туве.

Обратимся теперь к рассмотрению южнокорейских буддийских НГО, их номенклатуры, векторов активности в национальном и транснациональном измерениях. Базовое отличие исторического процесса институционализации буддизма на Корейском полуострове от центральноазиатских регионов России заключается в длительном историческом опыте функционирования этой религии в качестве государственной идеологии, легитимировавшей в течение пяти веков абсолютную власть корейской царской династии. Утрата буддизмом этой господствующей позиции повлекла за собой необходимость конкуренции с конфуцианством и местными этническими верованиями, обобщенно обозначаемыми в научной литературе термином «шаманизм»⁹. Не имея возможности в рамках данной статьи углубляться в историю корейского буддизма, отмечу лишь тот принципиально значимый факт, что эта религия обладала в историческом прошлом РК также и опытом функционирования в качестве традиции образованного меньшинства, т. е. традиции преимущественно монашеской. Формы институ-

⁹ Подробнее см.: Sørensen, 1999, с. 128.

ционального закрепления, обнаруживаемые в современном южнокорейском буддизме, свидетельствуют о его значительном адаптационном ресурсе и способности оперативного реагирования на радикальные социально-политические и социокультурные изменения.

В XIX в. в Корею впервые встал вопрос о необходимости «приблизить буддизм к народным массам» (Park, 2010, с. 3–4). Такая задача актуализировалась в русле буддийского реформаторства, спровоцированного японской политической и социокультурной оккупацией, и миссионерской активности христианских проповедников и функционеров христианских политических движений. Программные направления демократизации буддизма предполагали перевод текстов буддийского канона с классического китайского языка (на котором в течение веков буддийское знание и образование воспроизводились в корейском социуме); строительство монастырских центров в городах и селах, т. е. отход от институционально закреплённой практики оборудования пещерных монастырей, находящихся далеко за пределами населённых пунктов; принятие установки на поддержание регулярных контактов монашества с мирянами. Именно в период осуществления данной программы произошел организационный раскол корейской буддийской сангхи, часть которой выступила за возможность сохранения монашеского статуса без соблюдения обета безбрачия.

Буддийское реформаторство имело своим историческим следствием возникновение учреждений для религиозного обучения и просвещения мирян, открытие в мегаполисах молельных центров для буддистов-мирян. В 1980-х гг. в РК большинство буддийских монастырей и храмов в городах учредили колледжи начального и среднего циклов религиозного образования, ориентированного на ознакомление учащихся с буддийским письменным наследием, историей буддизма, религиозной художественной культурой, храмовым этикетом и т. д. Это направление деятельности традиционных буддийских НГО привлекло на их сторону значительное число верующих, принадлежащих к южнокорейскому среднему классу. Достоин внимания тот факт, что в крупных городах буддийские монастыри не ограничивают свою активность лишь проведением молитвенных служб. В 1990-х гг. при монастырях были созданы социальные сети, обеспечивающие и религиозные, и социокультурные потребности мирян. В рамках их деятельности функционируют детские сады, магазины экологически чистых продуктов, проводятся свадебные и похоронные ритуалы, осуществляются банковские услуги и многое другое (Joo, 2011, с. 616).

Идеи реформаторского периода истории корейского буддизма нашли свое воплощение и в деятельности организаций так называемого «народного» (minjung) буддизма, оформившихся в 1970–1980-х гг., во времена милитаристского режима. Народный буддизм как религиозно-политическое движение заявил о себе в 1985 г., когда была учреждена НГО «Народная буддийская федерация». Ее целевой аудиторией стали сторонники свержения военной диктатуры, рабочие и крестьяне, боровшиеся за демократическую конституцию, справедливое

распределение национальных богатств, объединение Южной и Северной Кореи (Jorgensen, 2010, с. 282).

В современной социокультурной реальности южнокорейского общества буддийская традиция оказалась, однако, в ситуации невыгодного для нее конкурентного противостояния с протестантизмом и католичеством. Конкуренция за идеологическое влияние в пространстве публичности, за приоритетное право легитимировать смысловые основы национальной идентичности приводят буддийские организации РК на путь социальной работы, благотворительности, миссионерской деятельности, что не было исторически характерно для традиционного корейского буддизма. Его опорой считалось строгое (безбрачное) монашество, стремившееся полностью дистанцироваться от мирских проблем. Подчеркну в этой связи то немаловажное обстоятельство, что социальная и гражданская активность вновь созданных буддийских НГО натолкнулась на противодействие традиционного буддийского клира, полагавшего, что подлинный буддизм должен являть себя в монашеском облачении, а приемлемая для него форма функционирования непременно требует отдаления от мира (Tedesco, 2003, с. 155).

Анализ публикаций, посвященных судьбам традиционных религиозных идеологий в РК, позволяет заключить, что буддизм оценивается в современном южнокорейском обществе весьма противоречиво. Так, согласно статистическим данным, после христианства буддизм является второй по численности последователей религиозной традицией Южной Кореи. С социологической точки зрения это позволяет выдвигать предположение о его популярности и социокультурной востребованности. Однако в реалиях южнокорейских мегаполисов буддизм представлен слабо: число храмов и монастырей невелико, буддийская символика в архитектуре и художественном оформлении городов практически отсутствует, количество буддийских учебных заведений мизерно. Например, Сеул, население которого насчитывает 12 млн., располагает лишь несколькими действующими буддийскими храмами. Пик их активности приходится на выходные дни, когда на молитву собираются сотни верующих. В противовес этому в каждом квартале мегаполиса функционирует несколько протестантских церквей, где сеульцы-христиане собираются и в будни, и в праздники, устраиваются конференции по вопросам веры и прозелитации, благотворительные акции и другие мероприятия.

Традиционный буддизм вытеснен в сельские районы РК. Именно там преимущественно дислоцированы буддийские монастыри и проживают поддерживающие их буддисты-миряне. Примечательно, что и в масс-медийном пространстве, и в научных статьях вытеснение буддизма на сельскую периферию осмысливается как естественный порядок вещей, объясняющийся якобы присущей буддизму установкой на удаление от социума, а также традицией функционирования пещерных монастырей, сложившейся в корейском буддизме. Однако такой весьма поверхностной интерпретации противоречит заложенная еще в XIX в. тенденция на внедрение буддийской религии в гражданскую, социально-политическую и социокультурную активность социума.

Подлинная картина парадоксальности публичных позиций буддизма в РК открывается лишь при учете той жесткой контрпропаганды, которая ведется против него южнокорейскими христианскими организациями (Joo, 2011, с. 619). Я считаю необходимым учитывать в анализе ситуации и многократные акты вандализма, совершавшиеся «христианскими фундаменталистами» в отношении буддийских святынь на протяжении 1990-х гг.¹⁰ В тот период происходили умышленные поджоги буддийских монастырей в мегаполисах, хищения ритуальных принадлежностей, хулиганские публичные нападения на буддийских наставников, разрушения буддийских памятников и т. д.

Кроме того, необходимо также принимать во внимание тот факт, что в РК одобряемая гражданская позиция предполагает ориентацию на политических лидеров, находящихся у власти. В периоды президентства лояльных христианству политиков считалось уместным подвергать буддизм гонениям и публичной критике. Однако это вызывало протестные акции населения. В качестве примера необходимо сказать о состоявшихся в 2008 г. многочисленных мирных демонстрациях буддийских организаций и протесты буддистов-мирян в адрес правящей верхушки¹¹. В публичных выступлениях, открытых письмах и петициях на имя президента Ли Мён Бака буддийские лидеры обвиняли власти в политике идеологической дискриминации буддизма. Упоминались, в частности, президентское поздравление протестантской общине г. Пусан, «покончившей с буддизмом в этой стране», посвящения христианскому Богу тех проектов, которые разворачивал президент в свою бытность мэром Сеула, назначения на высокие государственные посты приверженцев христианства.

В социологическом анализе противоречивости публичного имиджа буддийских НГО РК необходимо также учитывать различие трактовок социальной деятельности в буддизме и протестантизме. Буддизм связывает социальное служение с категорией религиозной заслуги, которая приобретает в индивидуальном бескорыстном действии на пользу живых существ, актуальных и потенциальных членов сангхи. Такое служение имеет преимущественно трансцендентную ориентацию. В протестантизме вектор социального служения направлен непосредственно на мир. Служение миру, его облагораживание, активная гражданская позиция характерны и для других христианских конфессий. Воплощенное в социальной деятельности разнообразных протестантских и католических НГО РК служение миру получило широкую популярность и вызвало громкий позитивный резонанс в публичных институциональных дискурсах.

Буддийские организации по преимуществу приспосабливаются к вызовам современной демократической идеологии, ориентирующей религиозные сооб-

¹⁰ Об этом подробнее см.: Wells, 2000, с. 239–243. Статистику актов вандализма в адрес буддийских монастырей, храмов, религиозных лидеров по годам см.: Tedesco, 1997, с. 184–192.

¹¹ Подробное описание см.: <http://portal-credo.info/site/print.php?act=monitor&id=12755>
<http://portal-credo.info/site/print.php?act=monitor&id=12755>

щества на гражданскую активность. И тем не менее в современной южнокорейской реальности наметилась тенденция формирования буддийских НГО, стремящихся к участию в публичном дискурсе по политическим, гендерным, религиозным и острым социальным проблемам. Значительную популярность в истекшие десятилетия приобрели в РК такие буддийские НГО, как «Буддийская коалиция за экономическую справедливость», «Общество Чистой Земли», «Буддийская солидарность за реформы». Они возникли в 1980–1990-х гг. как реакция патриотической буддийской общественности на протекавшие в РК социокультурные преобразования.

«Буддийская коалиция за экономическую справедливость» (БКЭС) представляет собой объединение буддистов-мирян, борющихся за права трудовых мигрантов на территории РК. Эта НГО занимается помощью не только трудовым мигрантам, но и беженцам — предоставлением временного жилья, обеспечением бесплатного питания, приобретения необходимых навыков корейского разговорного языка. Кроме того, БКЭС оказывает содействие местным безработным и пострадавшим от экономического кризиса 1997 г. в получении рабочих мест, а в случае необходимости — бесплатного питания и жилья (Tedesco, 2003, с. 163–164).

Иным проблемам посвящают свою деятельность активисты буддийской НГО «Общество Чистой Земли», созданной в 1985 г. в целях религиозного просвещения корейского общества. Опираясь на буддийское учение о рае Сукхавати (Чистая Земля), данная организация обратилась к экологической тематике. Религиозные тексты, публикуемые ею под грифом «Академия экологического пробуждения», представляют собой упрощенный пересказ доктрин школы «Чистой Земли», причем упор делается на разъяснении тезисов о необходимости взращивания установок «чистого сознания», обретения «праведных друзей» и создания «чистых земель». В 1991 г. основатель этой НГО призвал своих последователей обратить взоры в транснациональное пространство коммуникаций по вопросам бедности, начального образования и профессионального обучения нищих, экономической угнетенности, медицинской помощи и создать международные филиалы «Общества Чистой Земли». В транснациональном формате данная НГО стала известна как «Общество Объединения», оказывающее поддержку экономически бедным слоям населения Индии, Бангладеш, Монголии и Северной Кореи¹².

НГО «Буддийская солидарность за реформы» (БСР) оформилась на волне протеста буддистов-мирян против дисциплинарных нарушений, коррупции, неправомерного использования властных и административных полномочий

¹² См.: Sharma A. Socially Engaged Buddhism in Contemporary South Korea. Universal Gate Buddhist Journal, issue 2. <http://enlight.lib.ntu.edu.tw/FULLTEXT/JR-MAG/mag205778.pdf>, <http://www.jungto.org/english/index.html>

буддийским монашеством южнокорейской традиции сон.¹³ Деятельность этой НГО направлена на ослабление монашеской монополии на административное и финансовое управление буддийской сангхой. Члены организации выступают за контроль со стороны буддистов-мирян над процедурой выборов руководства монастырей и храмов сон-буддизма, потоками финансирования из государственного бюджета, благотворительными вкладами и взносами мирян¹⁴. БСР выступает также за необходимость воссоздания полноты буддийских социорелигиозных статусов: мирянин/мирянка, послушник/послушница, монах/монахиня и за практическое участие мирян в жизни монастырей. Такая позиция предполагает реформу организационной структуры сон-буддизма, преимущественно ориентированного на монашество. В транснациональном коммуникативном пространстве религиозных идеологий БСР позиционирует себя как движение буддистов-мирян, ратующих за возрождение традиционного корейского буддизма, за мирное воссоединение Южной и Северной Кореи, за права верующих и мирный межрелигиозный диалог.

Сравнительный анализ российских и южнокорейских буддийских НГО дает основание констатировать, что и в РФ, и в РК функционирование буддизма как традиционной идеологии претерпевает серьезные изменения в силу необходимой социокультурной адаптации к реалиям демократической политической системы, гражданского общества и правового государства. К числу наиболее значимых трансформаций в обоих случаях можно отнести смену вектора социальной активности в соответствии с освоением центральных тематик демократического дискурса. Кроме того, в обеих странах буддийские организации — и традиционные и новые — сталкиваются с неизбежностью конкуренции с христианскими организациями за последователей, общественное внимание, публичный авторитет, благорасположение политической элиты.

Однако принципиальное различие состоит в характере и содержании национального межрелигиозного диалога. В РФ и буддизм, и православное христианство определены в качестве религий исторического наследия, что стимулирует обоюдный поиск тем толерантного диалога и сотрудничества. Такое положение дел во многом объясняется исторически сложившимся распределением сред: буддизм продолжает оставаться лидирующей религиозной традицией в центральноазиатских регионах РФ, а православие воспроизводит себя на европейской части страны как статистически доминантная традиция. Применительно

¹³ См., в частности: Sørensen H.H. Buddhism and Secular Power in Twentieth-Century Korea, p. 142.

http://news.spirithit.com/index/asia/more/corruption_scandals_rock_nations_largest_buddhist_order/

http://news.spirithit.com/index/asia/ore/corruption_scandals_rock_nations_largest_buddhist_order/

¹⁴ Подробнее см.: Tedesco, 2003, с. 169–172.

к буддизму в РФ следует отметить процесс появления форм функционирования религиозной традиции, которые соответствуют тенденциям развития российского гражданского общества и правового государства. Они вырабатываются благодаря активности буддийских этнических НГО и НГО буддистов-конвертитов.

В РК отчетливо просматривается конкурентное противостояние двух господствующих религиозных традиций — буддизма и христианства (протестантизма и католичества). Тенденция к поиску точек соприкосновения и перспективы консенсуса лишь слабо намечена. Анализ этого противостояния позволяет заключить, что южнокорейский буддизм, немало претерпевший от адептов протестантских организаций, оказывается в итоге стороной, получившей в навязанной конкуренции значительный позитивный импульс. Совершенно очевидно, что стремление адаптироваться к социально-политическим трансформациям позволило идеологам буддийских традиций РК выдвинуть на передний план вопрос о разработке форм и методов внедрения в текстуру современности. В ходе его решения южнокорейские буддисты ассимилировали те способы работы с населением и политической властью, которые утвердились в деятельности их конкурентов-протестантов, практически освоили тематику и риторику национального и транснационального демократического дискурса.

Литература

- Аюшеева Д.В.* Современный тибетский буддизм на Западе. — Улан-Удэ: 2003.
- Бальжитова О.М.* Положение женщины в буддизме Индии, Монголии и Бурятии. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. — Чита: 2007.
- Островская-мл. Е.А.* Воины радуги. Институционализация буддийской модели общества в Тибете. — СПб.: 2008.
- Barker D.* Korean Spirituality. — Honolulu: 2008.
- Joo R.B.* Countercurrents from the West: «Blue-eyed» Zen Masters, Vipassana Meditation and Buddhist Psychotherapy in Contemporary Korea // *Journal of the American Academy of Religion*. 2011. Vol. 79, № 3.
- Jorgensen J.* Minjung Buddhism: a Buddhist Critique of the Statues Quo — Its History, Philosophy and Critique. In: Park J.Y. (ed.) *Makers of modern Korean Buddhism*. — New York; Albany: 2010.
- Park J.J.* Buddhism and Modernity in Korea. Introduction // *Makers of Korean Modern Buddhism* / Ed. *Park J.J.* Albany: 2010.
- Sørensen H.H.* Buddhism and Secular Power in Twentieth-Century Korea // *Buddhism and Politics in Twentieth-Century Asia* / Ed. *Harris I.* — London; New York: 1999.
- Tedesco F.* Engaged Buddhism in South Korea // *Queen C.S., Prebish C.S., Keown D.* (eds.) *Action Dharma: new studies in engaged Buddhism*. — London: 2003.
- Tedesco F.* Questions for Buddhist and Christian Cooperation in Korea // *Buddhist-Christian Studies*. 1997. Vol. 17.
- Wells H.* Korean Temple Burnings and Vandalism: The Response of the Society for Buddhist-Christian Studies // *Buddhist-Christian Studies*. 2000. Vol. 20.

Summary

E.A. Ostrovskaya

**Sociological Study of the Religious
Non-Governmental Organizations
in the Russian Federation and in the Republic of Korea**

The article deals with the sociological study of religious non-governmental organizations of the Russian Federation and the Republic of Korea. The author investigates how ideological innovation processes in politics contribute to the emergence of new forms of social activities within traditional religions of the RF and the ROK. The attention is focused on a comparative research of the Buddhist organizations' institutional activity in the RF and the ROK.

Key words: democratic political systems, Russian Federation, Republic of Korea, religions in civil society, religious non-governmental civil organizations, Buddhism, Buddhist civil organizations.